МАРОЕН МУР



ТАМ ЗВЁЗДЫ *не светят*

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+

Мароен Мур

Там звёзды не светят

«Автор»
2026

Мур М.

Там звёзды не светят / М. Мур — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Астервальд, элитную академию, скрытую среди мрачных вековых лесов. Место, где безупречные манеры советаются с изощрённой жестокостью, а за нарушение правил здесь приходится платить слишком дорогую цену.Он ломает меня, диктует свои правила, объявляя меня своей собственностью. Вокруг академии глухая стена леса, а внутри его удушающий контроль, от которого плавится мозг. Мне не спрятаться, из этого чертова места не сбежать. А значит - от него тоже.

© Мур М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Айрис. 5
Глава 2. Айрис. 9
Глава 3. Айрис. 14
Глава 4. Блейд. 19
Глава 5. Айрис. 21
Глава 6. Блейд. 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Мароен Мур
Там звёзды не светят

Глава 1. Айрис.

Весна всегда пахла для меня свежей травой и солнцем. Тёплые лучи улыбались мне, стоило только проснуться и вдохнуть свежий воздух. В это время года город снова оживал. Гудки машин, крики людей за окном, начиная с раннего утра. Больше всего, независимо от времени года, я любила начинать свой день с чашки капучино, стоя на балконе и наблюдая за обстановкой вокруг. Мне хотелось замедлиться и растянуть этот момент на сколько это было возможно.

Моя мать, как обычно ворвалась в мою комнату. Она всегда просыпалась от звуков кофемашины, и как бы тихо я не пыталась начинать утро, её появление никогда не заставляло ждать себя.

Сейчас прозвучит её любимая фраза — подумала я про себя.

— Сколько можно шуметь по утрам, ты что, корова? — прошипела она.

Ну вот, говорю же. И так начинается каждое утро, без исключений. Вот только обзывательства мать всегда придумывает разные.

— Извини, мам. — не смея перечить в очередной раз мямлю я.

Она одаривает меня холодным взглядом, демонстративно резко отворачивается и с силой захлопывает дверь. Мне кажется, она делает это всегда, чтобы каждый её день начинался с извинений. Других объяснений я этому не нахожу уже несколько лет.

Мать не работает, ни дня в своей жизни не работала. Мы живем на наследство отца, которое он оставил ей для моего обеспечения. Я не помню своих родителей вместе. Да и отца толком не помню. Разошлись они ещё когда мне не было и пяти лет, а умер отец в мои шестнадцать, и вот уже два года мать прожигает его деньги в огромную пустоту. Поначалу она делала это будто со злостью, а может это была жадность. Она купила членство в гольф клубе, нашла там богатых подруг и начала ходить с ними по элитным барам. Сильно напивалась и мне постоянно прилетало. Сначала это были очередные порции наставлений и ругани, но агрессия росла, и очень быстро крики сменились рукоприкладством. Я быстро осознала, что кроме меня самой меня никто не защитит, и всё больше стала затворничать в своей комнате. Это переросло в жуткий страх попадаться ей на глаза в любой момент, независимо выпила она или нет. Мама кричала, билась в истериках, и я понимала, что она не здорова. Она ненавидела меня больше всего на свете, потому что я часто слышала, как сидя под моей закрытой дверью, она произносила ужасные фразы, которые ни один ребенок не должен слышать от своего родителя никогда.

Вначале я подсознательно создавала образ отца-героя в этих ситуациях и злилась на то, что он ушёл и теперь не сможет мне помочь. Хотя я всегда понимала, что мой отец никогда не был моим защитником. Он знал, что мать не любит меня, знал, что мне плохо с ней, но он никогда не приезжал чтобы провести со мной время, никогда не приглашал погостить у него хотя бы пару дней, никогда не звонил. Мои звонки он принимал только на день рождения и на день отца. Эту дату он запомнил, считая себя папой. Я бесконечно много злилась на него, а когда он умер осталась только та самая чистая любовь. Я тайно надеялась, что хотя бы сейчас, уже на небесах, он обратит своё внимание на меня и возьмет должность моего ангела-хранителя.

В последние 3 месяца всё поменялось. Не глобально, но стало лучше для неё. Мама перестала таскаться по барам и начала проводить всё своё свободное время с Алексом. С этим мужчиной она познакомилась в гольф клубе. Алекс владелец сети ресторанов в нашем городе, интеллигентный, умный и очень добрый мужчина. Мама просто потеряла голову от него, и это

хорошо отразилось на ней, потому что она больше не встречалась со своими подружками-собутыльницами. Теперь они вместе ходили на концерты, ездили на ранчо Алекса, мама часто не ночевала дома, и я оставалась в блаженном одиночестве. Я была бесконечно рада за неё, вот только проблем, связанных с ней у меня, меньше не стало. Я бы сказала так: их количество выросло до масштабов семейной катастрофы.

Мама стала ревновать меня к Алексу. Свою единственную дочь к взрослому мужчине, который ей в отцы годится. Сцены она устраивала наедине, Алекс не знал о нашей личной проблеме. Ни он, ни тем более я, никогда не давали повода усомниться в верности Алекса матери, но это было и не нужно. Она и без нас всё придумала в своей голове. Всё было хорошо лишь первые пару недель, затем она вбила себе в голову мысль о том, что именно я непременно уведу её мужчину. Никакие разговоры не помогли, она запрещала мне смотреть ему в глаза, запрещала говорить больше, чем ответное приветствие и ответ на вопрос Как дела?. Затем я должна была удаляться в свою комнату и сидеть там до того, как они не покинут квартиру.

Когда мама возвращалась домой, она рассказывала, где у них был в секс в этот раз и смотрела на меня с победным взглядом. Мне было противно и от этих рассказов, и от того, что это говорит мне она, самый родной мой человек в этом мире. Она заставляла меня выслушивать, а затем снова поливала порцией оскорблений. Всё во мне для неё было не так, я была самым уродливым ребенком на свете. Но ревновать она всё равно продолжала.

Отвлекаться от домашнего ада мне помогала школа и музыка. Друзьями за все 12 лет обучения я особо не обзавелась, но во всяком случае товарищей у меня было много. Я действительно любила учиться. И, наверное, именно нападки мамы привили мне это. На школьный автобус я всегда бежала с огромным воодушевлением, предвкушая очередной учебный день. В моей школе была шикарная библиотека, и на обеденной перемене я приходила туда, чтобы присмотреть себе что-то новое на пару вечеров вперед и отдать то, что уже прочитала. Миссис Далтон, наша библиотекарь, пышная неуклюжая женщина, всегда угощала меня кофе, и каждый день давала яблоко. Мне нравилось представлять, что я её любимица. Мне было это важно, я хотела хоть с кем-то иметь тёплые отношения в этих стенах.

После уроков я заходила в кофейню, недалеко от школы. Я никогда ничего там не покупала, но мне разрешали занимать место на диванчике у окна и читать. Так я и проводила около двух часов каждый день после школы. Домой я всегда шла медленно, наслаждаясь одиночеством, слушая любимую музыку. Я понимала, что дома меня никогда не ждет ничего хорошего, поэтому не торопилась возвращаться в родные стены.

Сегодня всё изменилось. Закрыв за собой входную дверь, я вошла на кухню. Меня встретили взгляды мамы и Алекса, и увидев второй, я тут же опустила глаза в пол, будто это уже был рефлекс. Поняв, что выглядело это странно и выждав это молчание еще три секунды, я взяла себя в руки, смирилась с тем, что от матери мне уже и так несомненно попадет, и подняла глаза на неё. Её карие глаза сверкнули от света свечей, стоящих на столе, она сузила их и сморщилась, и тут я заметила, что появилась видимо в самый неудачный момент, испортив чей-то тост. Руки мамы и Алекса всё-еще были подняты вверх, они держали бокалы с шампанским, и я очень хорошо заметила в бокале матери кольцо в несколько карат. Камень был огромным, его блеск завораживал.

«Интересно, Алекс правда думал, что она не заметит кольцо? — подумала я, всё ещё стоя на месте, и продолжая портить их момент.

Мама демонстративно прочистила горло, взгляд расширился. Моё оцепенение пропало от знакомого звука, не предвещавшего ничего хорошего, я снова опустила взгляд и рванула в свою комнату.

За своей спиной я услышала, как мать ехидно произнесла:

— Даже не извинилась!

Я залетела в комнату и захлопнула дверь. Ну и ну, похоже теперь у меня появится отчим. Ведь так? Мать точно не откажется от такого предложения, разве может быть иначе? А что будет со мной? Мне окончательно запретят высовываться из комнаты? Я боюсь. Воздух в комнате вдруг становится спертым, шарфик сильно сдавливает горло, сердце начинает бешено стучать. Мне конец, теперь уже точно. Я в очередной раз взываю высшие силы, прошу помочь, слёзы катятся на подушку, я лежу согнувшись калачиком.

«Теперь тебе никто не поможет, Айрис. Больше ты не сможешь никак контролировать ситуацию. А разве когда-то могла?» — пронеслось вихрем у меня в мыслях.

Новость о свадьбе Алекса Доусона прогремела на весь Ноксвилл. Ещё бы, жених оказался очень завидным и обеспеченным. Об этом писали в местных газетах, даже давали небольшой репортаж по телевидению. Все два месяца, отведенных для подготовки к этому событию, мать бегала по салонам, выбирая самое дорогое и роскошное платье, обзванивала всех своих подруг, а также самых далеких знакомых. Казалось, она хотела заявить всему штату о своей предстоящей свадьбе. Она не упустила возможности похвастаться и перед своей ненавистной знакомой Клариссой, великодушно позвонив ей и выслав приглашение на свой праздник. Я видела, что она отчаянно нуждалась в признании, она хотела, чтобы все заметили не только знаменитого Алекса, но и её.

Надо признать, у неё получилось. Масштаб праздника был колоссальным, учитывая хотя бы то, сколько гостей пришло с её стороны. Было не меньше 150 человек, в то время как от Алекса пришло всего около тридцати.

Это был знойный июльский день, церемония была роскошной. Это подняло мне настроение, после утренней выходки матери. Единственной моей просьбой было выбрать себе наряд самой. На это я получила жесткий отказ. Мама сослалась на то, что вкус у меня дерьмовый и я непременно должна буду надеть то, что она сама выберет для меня. Утром она как обычно без стука ворвалась в мою комнату, кинула на моё спящее тело платье в чехле и сказала живо подниматься, ведь меня ждут на прическу и макияж. Платье оказалось невзрачного голубого оттенка, пышное, как на девочку из детского сада. Выглядела я на троечку. Но всё это ушло на второй план, как только я увидела маму. Она выглядела шикарно, просто завораживающе. Свадебное пышное платье в пол, украшенное тысячами драгоценных камней, отливающимися на солнце всеми цветами радуги. Красивый макияж, прическа, безупречная улыбка. Мама светилась от счастья, это заставляло меня светиться вместе с ней.

В церкви мне выделили место в первом ряду, и я, не отрывая глаз от мамы любовалась ею. Алекс тоже был сегодня особенно красив. Уложенные волосы, гладко выбритая щетина, идеально сидящий костюм. Они оба были с иголочки, но я уверена, что в тот день все смотрели только на мою маму.

Когда на праздничном банкете мне предложили произнести тост в их честь, я попыталась отказать ведущему. Я боялась сказать что-то не так, я не хотела портить маме настроение. Но он был настойчив, и я произнесла короткую реплику о том, что люблю её и всегда хотела для неё только счастья, и конечно, что я очень рада, что она нашла это своё счастье. Мама улыбнулась мне. Это правда, она тепло улыбнулась мне, её глаза светились. Потом я ещё долго думала, показалось мне это или всё же нет.

Спустя неделю после свадьбы они съехались. Маме пришлось забрать меня с собой, Алекс настоял. Она хотела оставить меня в квартире в одиночестве, но он был непреклонен, так я и оказалась в первый раз в его большом доме. В первый раз и сразу переезд.

Мама уговорила Алекса выделить мне комнату именно на третьем этаже, хотя он просил её позволить мне жить с ними на втором, ведь третий этаж был практически заброшен. Там был лишь пустой серый коридор, несколько дверей на каждой стороне и огромный бильярдный зал в конце. Моя комната была самой обычной, белые стены, большая кровать, небольшой компьютерный стол и отдельная ванная. Мне было всё равно какую комнату мне выделят. И

уж тем более мне не хотелось жить у мамы под боком, ведь её ревность к Алексу из-за меня росла не по дням, а казалось, по часам. Она скандалила постоянно, запрещала мне выходить из комнаты в пижаме, по-прежнему запрещала смотреть отчиму в глаза, из-за чего он постоянно допрашивал меня, почему я боюсь его. Мне было нечего ответить, я не хотела очернять маму в его глазах, но я думаю, что он и сам всё понимал, просто делал вид, что это не так.

Время здесь текло медленно, больше всего я хотела поступить в университет и съехать от мамы, но она запрещала мне, постоянно твердила, что сейчас не время для этого. Я пыталась выбить свободу, пыталась спрашивать, когда я смогу покинуть дом и жить университетской жизнью, но вместо ответов всегда были только крики и я перестала задавать вопросы.

В тот день, в начале октября, я как обычно проснулась, сходила в душ и принялась за новую книгу. Я устроилась поудобнее в кровати, накинула на себя плед, включила ночник и погрузилась в сюжет. Прервал меня звук шагов по коридору этажа, я знала, что это мама. Успев за эти несколько секунд обдумать, что я могла натворить в этот раз, и не найдя ничего подобного в своей голове, я откинула книгу и в тот же миг дверь открылась. Мама лениво окинула меня презрительным взглядом, подошла, швырнула на кровать конверт и направилась обратно к двери.

— Собирайся, упакуй все свои вещи, в обед подъедет водитель.

— Что? Мы куда-то уезжаем?

— Не мы, а ты. — бросила она напоследок, громко хлопнув дверью.

Дверь щёлкнула, и тишина стала оглушительной. Я смотрела на конверт, лежащий на кровати, и чувствовала, как тело холодеет. Ответ был там, но мне было страшно узнать его.

Глава 2. Айрис.

Аэропорт Берлингтона встретил меня тишиной. Я не увидела никого с табличкой Айрис Эмброуз, мама предупреждала, что меня встретит водитель, который отвезет в академию.

За стеклянными дверями терминала Вермонт уже утопал в первых вечерних сумерках, окутанный густым туманом. Водитель ждал у выхода. Высокий, серьезный мужчина в деловом костюме, он молча перехватил у меня ручку чемодана и лишь коротко кивнул, указывая на припаркованный у обочины внедорожник. Когда тяжелая дверь захлопнулась, отрезав меня от шума улицы, я почувствовала ароматизатор автомобиля и меня тут же согрело приятное тепло салона. Водитель не проронил ни слова. Он плавно выжал газ, и мы двинулись в сторону Брайарвуда, оставляя огни аэропорта позади, растворяясь в чёрной стене вермонтского леса.

Я сжала в пальцах край куртки, а потом наконец решилась сделать это снова: вытащила из кармана тот самый конверт, который мама швырнула на кровать. На нём не было ни адреса, ни марки — только моё имя, выведенное строгим каллиграфическим шрифтом от руки.

Внутри находились несколько листов плотной бумаги и небольшая брошюра с тиснением. На первой странице крупными буквами значилось: Академия Астервальд. Брайарвуд, Вермонт, а ниже — официальное уведомление о зачислении.

«Уважаемая мисс Айрис Эмброуз,Настоящим уведомляем, что Вы приняты в Академию Астервальд на пятилетний курс обучения. Просим прибыть для прохождения вводного инструктажа и получения персонального пропуска.Обращаем Ваше внимание, что в течение всего срока обучения территория академии является закрытой зоной. Выход за пределы строго по разрешению. Все перемещения фиксируются системой контроля доступа.

С уважением,Совет попечителей Академии Астервальд.»

Пять лет. Я повторила про себя это число, и оно легло на плечи тяжёлым грузом, а всё потому, что я успела изучить уйму информации об этой академии. Кроме действительно сильных лекторов, ничего хорошего в этом месте не было.

Я перевернула лист и перечитала короткую справку «О нашей академии». Там говорилось, что Астервальд основали в начале XX века как элитное учебное заведение. Название Астервальд пришло из немецкого: Aster — звезда, Wald — лес. «Звёздный лес» — так переводилось название, и теперь, приближаясь к этому месту, я ощутила эту мрачную иронию, академия стояла среди густых лесов, отрезанная от внешнего мира, спрятанная от чужих глаз.

Цвета формы были прописаны отдельным пунктом: тёмнокоричневая, цвета старого дерева, с узкой бордовой полосой на воротнике и манжетах. Коричневый означал устойчивость и сдержанность, умение не привлекать к себе внимания, сливаться с фоном. Бордовый — внутреннюю силу, которую студент должен был в себе воспитывать, но не выставлять напоказ. В брошюре даже была сноска: «Форма — не элемент стиля, а символ принадлежности к системе. Любые отклонения от регламента недопустимы». Ниже была фотография-пример женской и мужской формы. Я скользнула взглядом по этим безликим силуэтам и почувствовала, что скоро стану одним из них.

На последней странице был изображён герб академии. Щит делился на две части: слева — чёрный силуэт раскидистого дуба на тёмнозелёном фоне, справа — серебряная восьмиконечная звезда на угольносером. Над щитом шла лента с девизом на латыни: «Lux in umbra» — «Свет во тьме». Под щитом переплетённые ветви, образующие замкнутый круг. Я задумалась и провела пальцем по напечатанному гербу. Свет во тьме звучит красиво, но я не чувствовала никакого света от мысли об этой академии, меня пугала неизвестность, в которую молчаливо вёз меня водитель.

Конверт опустел, а я всё сидела, держа в руках эти листы, и чувствовала, как реальность окончательно сдвигается. Казалось, всё это страшный сон, но ущипнув себя я поняла, что теперь это реальность, в которую окунула меня мама.

Время будто провалилось куда-то, я не заметила, как веки стали тяжёлыми, а виды за окном слились в одно тёмное пятно. Когда машина мягко дёрнулась, я проснулась, услышав торможение по гальке. Первое, что я увидела — листы, разбросанные по полу и сиденью. Брошюра лежала у моей ноги, во сне руки расслабились и всё разлетелось. Я потянулась за бумагами, пальцами пыталась цеплять углы, но собрать их аккуратно не получалось, руки дрожали от внезапного пробуждения и от того, что тишина за окнами стала другой. Не той городской, привычной, а густой, лесной, в которой слышно, как где-то далеко хрустнула ветка.

Водитель открыл мою дверь, не дожидаясь пока я закончу собирать бумажки, я неловко взглянула на него. Он даже не посмотрел на меня, просто молча протянул руку, чтобы помочь выйти, а потом сразу подхватил чемодан. Его движения были чёткими, отработанными и очень краткими. Я шагнула на гравий. Мелкие камни неприятно впивались сквозь тонкую подошву балеток. Воздух пах сырой землёй и мокрыми листьями, и этот запах был приятным и почему-то таким знакомым. Я подтянула куртку, пытаясь укутаться в неё посильнее, и пошла следом за водителем к входу. Только тогда я подняла глаза и нормально оглядела академию.

Астервальд не был похож на школу из рекламы, где всё светлое и просторное. Это было массивное здание из тёмносерого камня, собранное из тяжёлых, угловатых блоков. Крылья расходились в стороны, как будто обнимали двор. Высокие узкие окна выглядели угрюмо. По углам торчали башенки с зубцами, и в наступающих сумерках это выглядело ещё более зловеще, словно академия готовилась к осаде. Над главным входом нависал каменный козырёк, а прямо в стене был высечен тот самый герб. Деревья подступали к самой ограде, их голые ветви сплетались над дорожкой, казалось, лес был здесь главным злодеем, держащим всё в своих ветвях. Оглянувшись ещё раз, я заметила водителя, который был уже далеко впереди, и поспешила за ним. Мы почти дошли до площадки перед дверьми, когда они распахнулись. Навстречу нам вышла женщина.

Ухоженная, красивая, лет сорока, с аккуратной стрижкой каре и крашеными блондинистыми волосами, которые в тусклом свете фонарей отливали холодным золотом. В её осанке чувствовалась спокойная уверенность, во взгляде явное презрение. На ней был тёмно-коричневый костюм — в тон форме, но явно дороже и строже, подчёркивающий, что она тоже часть системы. Она остановилась ровно там, где свет фонарей встречался с тенью от козырька, выглядела теперь очень величественно.

— Я — Эвелин Харт, директор Академии Астервальд, — произнесла она спокойно, без дружелюбия. Голос был низким, ровным, на лице ни намёка на улыбку, но и открытой враждебности она не демонстрировала.

Я скользнула по ней взглядом, стараясь не выдать, как сильно дрожат внутри все мои нервы. Отметила каждую деталь, будто если соберу их все, смогу понять, чего от неё ждать.

«Какой цепкий взгляд, — пронеслось у меня в голове. — Она точно не из тех, кто утешает и гладит по голове.»

Её глаза, серые, почти стальные, на секунду задержались на мне, будто сканировали. В этом взгляде была чистая оценка.

— Водитель, внутрь вам нельзя, — сказала она, не отводя от меня глаз. — Свои вещи мисс Эмброуз отнесет сама.

Он коротко кивнул, будто именно этих слов и ждал. Потом чуть замедлился, повернулся ко мне и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Берегите себя.

В этих словах прозвучало лёгкое беспокойство, совсем крошечное, но от этого ещё более заметное. Он снова кивнул Эвелин, развернулся и пошёл обратно к машине, растворяясь в сгущающейся тьме.

Эвелин дождалась, пока его шаги стихнут, и только тогда чуть склонила голову, будто позволяя себе переключиться на следующий пункт плана.

— Мисс Эмброуз, — произнесла она, — оставьте чемодан в холле. Здесь его никто не тронет. А сейчас прошу пройти со мной.

Она повернулась и пошла вперёд, шаги её были уверенными, каблуки глухо стучали по каменным плитам. Я помедлила лишь секунду, потом наклонилась, поставила чемодан у стены, чувствуя, как пальцы скользят по холодной ручке, и пошла следом.

Внутри пахло старым деревом, воском и чем-то ещё, я подумала, что может как-то так пахнет пыль. Коридор уходил вперёд, по стенам тянулись ряды портретов в тяжёлых рамах: мужчины и женщины в позах, рассчитанных на вечность — прямые спины, сжатые губы, прямые взгляды, которые словно видели меня насквозь. Бывшие попечители, — мелькнуло у меня в голове. — Те, кто придумал все эти правила и теперь смотрят, как ходим по зданию. Между портретами висели бронзовые таблички с номерами и названиями помещений, буквы на них поблёскивали тускло, как старые монеты. Пол был выложен широкими каменными плитами, посередине тянулась узкая полоса тёмно-бордового ковра — единственный цвет в этом сером месте. Я шла по нему, стараясь ступать ровно, не шаркая, не отставая, не привлекая внимания. Высокие стрельчатые окна пропускали совсем немного лунного света, стёкла казались тёмными зеркалами, в которых мелькала моя собственная тень, слишком маленькая и слишком торопливая. Вдоль коридора через равные промежутки висели камеры, небольшие, аккуратные, почти незаметные, если не присматриваться, но я как раз присматривалась. Они везде, — подумала я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Эвелин шла впереди, не оборачиваясь, не проверяя, плетусь ли я сзади. Её каблуки отбивали ровный ритм: тук-тук, тук-тук, как метроном.

Мы миновали ещё несколько боковых дверей с табличками: «Архив», «Совет», «Медицинский блок». Потом коридор чуть расширился, и впереди показалась широкая лестница с тёмными перилами, уходящая вверх, в полумрак. Но Эвелин не стала подниматься, она свернула в короткий боковой проход. Здесь было меньше портретов и больше дверей, все одинаковые, тёмно-коричневые, с латунными ручками и маленькими окошками-табличками.

«Административное крыло», — догадалась я.

Наконец она остановилась перед одной из дверей, чуть более массивной, чем остальные, с табличкой, на которой золотыми буквами было выведено: Дирекция. Э. Харт. Она взялась за ручку, чуть помедлила, словно давая мне последнюю секунду, чтобы выдохнуть, и открыла дверь.

Эвелин прошла за свой широкий стол из тёмного дерева, такой массивный, что стул казался скорее троном, чем мебелью. Села, не глядя на меня, привычно опустила взгляд в бумаги, будто я уже перестала существовать, а я стояла у порога и разглядывала кабинет, пытаясь удержать в голове хоть что-то, кроме собственного страха. Комната была большой, просторной, каждая вещь лежала строго на своём месте. Стены обшиты тёмно-коричневыми панелями, почти сливающимися с цветом стола, и только кое-где проглядывали вставки из более светлого дуба, будто тонкие швы, стягивающие пространство. На одной стене висела карта академии — чёрно-белая, с пометками, рядом стояла полка с папками, выстроенными в идеальную линию. На столе не было ничего лишнего: ни фото, ни безделушек, ни даже чашки. Только стопка документов, чернильная ручка с латунным корпусом и маленький настольный календарь, открытый на сегодняшней дате. Над креслом директрисы, прямо над её головой, висел уменьшенный вариант герба академии, который похоже здесь просто повсюду.

Я всё ещё стояла, не решаясь сделать шаг дальше порога, когда Эвелин резко подняла взгляд. Он был острым, как лезвие, и в нём мелькнуло раздражение — совсем короткое, но достаточно заметное, чтобы внутри у меня снова всё сжалось.

— Присаживайтесь, — бросила она чуть резче, чем раньше, будто устала тратить время на мою нерешительность.

Я кивнула и торопливо шагнула к стулу напротив стола, опустилась на край, стараясь не скрипеть деревом, и положила руки на колени, чтобы они не дрожали на виду. Эвелин чуть откинулась на спинку кресла, снова скользнула взглядом по бумагам, потом подняла его на меня, и на секунду задержала. Я никак не могла понять, что же она пытается рассмотреть во мне.

— Правила здесь простые, — сказала она, и голос её стал суше, хотя это казалось и так уже невозможным. — И лучше услышать их от меня и соблюдать, чем столкнуться с последствиями. Запоминайте.

Она отложила ручку, освобождая руки для того, чтобы отсчитывать пункты, и начала ровно, без паузы между фразами, механически, как читают устав:

— Первое: дверь вашей комнаты всегда должна оставаться приоткрытой ровно на ширину ладони. Куратор или дежурный имеют право убедиться, что с вами всё в порядке, в любой момент. Никаких исключений.

Я сжала пальцы на коленях, вспомнив, как привыкла прятаться за закрытой дверью дома. Здесь даже это право у меня забирали.

— Второе: каждое утро, кроме выходных, в семь тридцать обязательная линейка во внутреннем дворе. Услышали своё имя — шаг вперёд, взгляд на куратора, отчётливо: Здесь. Никаких опозданий. Третье: запрет на выезд за пределы академии. Вы должны были прочитать это в приглашении, но повторю: выход возможен только по письменному разрешению родителей или опекунов, и с одобрения директора. Без этих бумаг вы не пересечёте ворота.

Она чуть наклонила голову, будто проверяя, успеваю ли я переваривать каждое слово.

— Четвёртое: комендантский час в двадцать два нольноль. После этого времени никто не имеет права покидать свою комнату. Исключение только путь до медпункта, и то по вызову или с сопровождением. И пятое: никакой личной техники. Телефоны, наушники, камеры — всё изымается в первый же день. Академия предоставляет ноутбуки только на занятиях, строго под учёт. Вне уроков всё запрещено.

Я съёжилась, услышав этот список. Мысленно прокляла маму несколько раз и чуть не заревела. Полное лишение личного пространства, у меня и за пределами этого места было не особо много прав, но теперь я и вовсе буду дышать по указке.

— За нарушение любого из этих пунктов следует серьёзное наказание. Не символическое, не воспитательное. Серьёзное. Так что советую поверить мне на слово, — добавила она.

Потом она чуть смягчила тон, но не взгляд:

— По любым важным вопросам вы можете обращаться ко мне. Не по мелочам. По тому, что действительно нельзя решить на уровне куратора.

Я лишь кивнула, моего ответа и так никто не ждал. Эвелин встала, давая понять, что инструктаж окончен, и направилась к двери.

— Сейчас я лично провожу вас в ваше крыло. Сначала заберём чемодан, затем покажу вашу комнату.

Мы вернулись в холл, где всё так же стоял мой чемодан, я взялась за ручку, посмотрела на Эвелин, и она кивнула в сторону правого крыла:

— Женское общежитие — туда. Ваше крыло правое. Комнаты первокурсников находятся на втором этаже, ближе к западной башне. Кстати, забыла упомянуть, это и так понятно, но всё же. Если после комендантского часа девушка будет замечена в мужском крыле, это мгновенное

исключение. Никаких объяснений и оправданий по этому поводу здесь не приемлют. Конечно, это работает и в обратную сторону.

— Поняла. — прочистив горло произнесла я. Это были мои первые слова, и они заставили Эвелин обернуться. Она лишь на секунду остановила на мне взгляд и снова устремила его вперед.

Мы поднялись по широкой лестнице, где ступени чуть поскрипывали под шагами, и свернули в коридор, пахнущий свежим лаком. Двери шли ровными рядами, каждая из них была приоткрыта, исключением стали лишь несколько, включая мою, и я точно поняла: учеников тут много, исходя из количества пройденных нами дверей. Моя оказалась чуть в стороне, почти у самого угла. На табличке значилось: «111». Эвелин открыла дверь своим ключом, вошла первой и включила свет.

Комната была небольшой, но не тесной: кровать с жёстким матрасом и серым покрывалом стояла у стены, напротив находился письменный стол с выдвижным ящиком и стул с прямой спинкой. Над столом висела полка, на которой лежали два учебника с тиснёными обложками и тонкая тетрадь в тёмно-коричневой обложке. Узкое окно с тяжёлыми шторами цвета камня, сквозь стекло виднелся край башни и тёмная полоса леса. Я обратила внимание на маленькую дверь в углу.

— Личная душевая, — коротко пояснила Эвелин, заметив мой взгляд. — У каждого студента своя. Внутри всё, что тебе понадобится, уборщица пополняет по мере необходимости.

Я на секунду представила, что хотя бы здесь смогу остаться одна, закрыть дверь и выдохнуть. Но тут же вспомнила про правило с приоткрытой дверью комнаты и поняла, что это лишь хрупкая иллюзия.

Эвелин остановилась на пороге, я всё ещё осматривала помещение, в котором отныне буду жить ближайшие пять лет.

— Располагайтесь и готовьтесь к занятиям, — сказала она уже у выхода, голос снова стал ровным, деловым. — Утренняя линейка — в семь тридцать, завтрак — в семь сорок пять, начало занятий — в восемь пятнадцать. Не опаздывайте.

Она закрыла за собой дверь, но не полностью, просто прикрыла, оставив ту самую щель в ширину ладони, а я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как тишина давит не хуже любых слов. Глубоко вдохнув запах древесины, я ещё раз разочарованно взглянула в окно и отправилась в душ, в надежде смыть себя этот день словно грязь.

Глава 3. Айрис.

Звук будильника ворвался в голову резко, будто кто-то ударил по металлу прямо у меня над ухом. Я дёрнулась, схватилась за край кровати, не сразу понимая, где нахожусь. Секунду мир был просто тёмным пятном, а потом память вернулась тяжёлым куском.

На часах ровно семь. За окном ещё стоит ночь, только где-то далеко, за лесом, небо чуть сереет. Я села, спустила ноги на пол, чувствуя, как холод пола мгновенно пробирается сквозь тонкие носки, от этого лицо непроизвольно поморщилось. Увидела на углу кровати свои мягкие тапочки, и протянула ногу чтобы дотянуться до одного. Получилось легко, затем на одной ноге допрыгала за вторым тапком. Из коридора слышались громкие звуки, топот, разговоры, соседки уже вовсю собирались.

Я умылась холодной водой, чуть уложила влагой свои кудрявые волосы, и на секунду задержалась у зеркала. Лицо было бледным, глаза чуть припухшими, карий взгляд потухшим, я потянулась к косметичке. В первый день в новом месте как никогда хотелось выглядеть симпатично. Лёгкий тон, капля туши, едва заметные тени, в цвет нежно-розовой оправы моих круглых очков. Если я выгляжу собранно, может, и чувствовать себя буду чуть увереннее.

Шкаф стоял у стены, простой и строгий, как всё в академии. Вчера у меня не было сил даже вытащить вещи, и теперь я просто скользнула взглядом по полкам и нашла форму, ту самую, точь-в-точь как на картинке. Ткань была плотной, почти жёсткой, пуговицы застёгивались туго.

Я посмотрела на себя в зеркало, силуэт стал другим. Это не Айрис из прошлой жизни, а студентка Астервальда. Безликая, правильная, удобная. Стрелка часов перевалила за 7:20. Я сжала кулаки, выдохнула и шагнула к двери.

Коридор встретил меня усилившимися голосами и ученицами в одинаковых одеяниях. Я поймала несколько любопытных взглядов, но никто не поприветствовал меня. Это заставило меня смутиться.

«Всему своё время, Айрис». — подумала я.

Вдруг я поймала себя на мысли, что слишком надолго задержалась стоя у двери, и если я опоздаю беды точно не миновать. Это заставило меня сорваться с места и быстрым шагом пойти за всеми девушками. Лестница, поворот, ещё один коридор, и наконец впереди показался выход во внутренний двор. Воздух был ледяным, он хватал за горло и заставлял дышать чаще. Туман стелился по земле, цеплялся за ботинки, будто хотел удержать. Во дворе уже выстроились ровные ряды студентов, плечи прямые, взгляды вперёд. Между ними ходили кураторы с планшетами, их силуэты в тумане казались размытыми, почти призрачными.

Я нашла свободное место в конце ряда, встала, расправила плечи, опустила подбородок ровно так, как будто всю жизнь только этим и занималась. Сердце колотилось где-то у горла, меня потряхивало от холода, но я заставила себя стоять спокойно.

Куратор шёл вдоль шеренги, чеканя шаг, и выкрикивал фамилии и делал пометки в планшете. Линейка прошла быстро, ещё несколько фамилий, короткая команда куратора: Разойдись! — и шеренга дрогнула, рассыпалась на отдельные фигуры, которые тут же выстроились в ровный поток и потянулись к столовой. Я пошла вместе со всеми, стараясь не сбавлять шаг и не отставать. В потоке чужих спин и одинаковых форм я почти чувствовала себя невидимой, и это было сейчас самым ценным.

Девочки из моей группы шли плотной шеренгой, перешёптывались, но негромко, и вдруг рядом со мной оказалась высокая рыжая девчонка, такая яркая, что на фоне коричневой формы и серых стен она выглядела почти как пятно света. Она чуть улыбнулась.

— Я Джулия, — сказала она, протянув руку.

От неожиданности я на секунду задержала дыхание, а потом пожала её руку:

— Айрис, — ответила я.

Она кивнула и пошла рядом, не пытаясь тут же засыпать меня вопросами, явно понимая, что сейчас я немного растеряна.

Мы вошли в столовую — большое, гулкое помещение с длинными столами и высокими окнами, за которыми всё ещё висел серый рассвет. Воздух здесь был тёплым, пахло хлебом и горячим кофе, прямо как в моей школе.

Джулия чуть замедлилась, поймала мой взгляд, и кивнула на свободное место:

— Давай сюда. Тут обычно не так шумно.

Джулия положила пиджак на стул, так просто, будто делала это каждое утро. Я на секунду замешкалась, глядя на этот жест, а потом повторила: сняла свой пиджак, аккуратно повесила на спинку, и только когда огляделась поняла, что почти все в столовой остались в одних белых рубашках, а стулья по всему залу были завалены пиджаками, так тут занимали места.

Мы встали в очередь, на удивление она двигалась быстро. Никто не толкался, не тянулся через чужие подносы, не задерживался у раздачи. Я взяла апельсиновый сок и сэндвич с беконом и томатом, Джулия взяла себе кашу, йогурт и яблоко, затем кивнула мне: «Пойдём».

Когда мы вернулись к столу, оказалось, что сидим вдвоём. Все сидели кучками, по своим компаниям, и ближайшая группа была на другом конце нашего стола. Джулия села, пододвинула к себе йогурт, но не спешила его открывать. Вместо этого она чуть наклонила голову, посмотрела на меня спокойно, без напора, и сказала:

— И так. Ты новенькая.

Это был не вопрос, а констатация факта. Я чуть сжала стакан с соком, пальцы скользнули по холодному пластику, и кивнула:

— Да. Первый день.

Она чуть улыбнулась, но улыбка вышла не весёлой, а какой-то усталой. Я сделала глоток сока — он был кисловатым, и это приятно взбодрило.

— А ты давно здесь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но вышло всё равно хрипло.

Джулия пожала плечами, будто вспоминая цифру:

— Второй год. Но кажется, что все пять. Тут время тянется иначе.

Я коротко кивнула, а она посмотрела на мой сэндвич, и чуть приподняла бровь:

— Бекон и томат? Совсем не сытно, обычно все здесь берут овсянку, обед только после всех пар, учти.

Я нервно усмехнулась, впервые с тех пор, как уехала из дома:

— Наверное, из-за новой обстановки особо нет аппетита. — Я взглянула на руку Джулии, которая ковыряла кашу.

Джулия кивнула, видимо именно этого ответа она и ожидала. Она откусила яблоко, хруст прозвучал неожиданно громко в этой неестественно тихой столовой, и чуть прищурилась, проверяя, не обернётся ли кто-то на звук. Но никто не обернулся. Все были заняты своим завтраком и тихими разговорами. Я заметила, что улыбки среди ребят мелькали очень редко. Все были серьёзными, задумчивыми.

— Почему все настолько серьёзные? — спросила я тихо, почти шёпотом, будто сама боялась нарушить эту хрупкую связь между нами.

Джулия чуть наклонилась вперёд, не приближая лицо, но делая голос тише, будто делилась секретом, который и не секрет вовсе, а просто правда, которую все знают, но не говорят вслух:

— Здесь всё совсем не так просто, как кажется, Айрис. Я дам тебе один очень ценный совет, который дал бы тебе любой сидящий в этом зале: следуй правилам. Не стоит проверять что будет если их нарушать, и не думай, что никто не узнает. Узнают. Они всегда узнают.

Где-то в дальнем углу столовой коротко и резко звякнул колокольчик, не громкий, но такой, что все будто по команде чуть приподняли головы, и начали подниматься с мест. Джулия отодвинула тарелку, положила остатки яблока рядом с нетронутой кашей, потом встала, накинула пиджак, и поправила волосы.

— Пойдём, — сказала она спокойно, негромко, но взглянула на меня серьёзно. — До начала первой пары десять минут.

Я торопливо схватила свой поднос, пальцы чуть дрогнули на пластике, и поспешила за ней к стойке для грязной посуды. Всё было устроено так, чтобы не задерживаться: поднос в стопку, стакан в мусорный контейнер, шаг в сторону, и ты уже снова в потоке торопливо идущих студентов. Выйдя из столовой, мы свернули в боковое крыло. Джулия шла уверенно, у неё был широкий шаг, но она явно его замедляла, чтобы я могла за ней поспевать.

— Первая пара у нас общая, — бросила она через плечо, не замедляя шага. — Введение в академические стандарты. Ведёт профессор Клайн. Он не злой, просто… точный. Если спросит, отвечай коротко. Чем меньше слов, тем меньше шансов сказать не то.

Я сглотнула, кивнула, хотя она и не смотрела на меня, и постаралась выровнять дыхание.

В аудитории было прохладно и светло, ряды парт шли строго по линиям, стулья стояли ровно, на доске мелом было выведено: «Соблюдение регламента — это основа дисциплины».

Джулия кивнула на два места в середине ряда:

— Садись сюда, — шепнула она, опускаясь на стул и сразу выпрямляя спину.

«Это тоже по правилам, или она просто следит за осанкой?». — вдруг промелькнуло у меня в голове.

Я села рядом, положила руки на край парты, чувствуя, как холод дерева пробирается сквозь ткань формы. Дверь скрипнула, и в аудиторию вошёл профессор. Высокий, сухощавый, с седыми висками и уставшим взглядом. Он остановился у кафедры, и положил на неё тонкую папку.

— Доброе утро, — произнёс он ровно, без приветливой интонации.

Я опустила взгляд на парту, на нацарапанную кем-то давно, почти стёртую надпись в углу: Рид и Дом. Пальцы чуть коснулись шероховатой поверхности, и я снова выпрямилась, стараясь дышать ровно, хотя очень хотелось прочистить горло. Я не хотела нарушать эту гнетущую тишину.

Лекция действительно прошла не скучно, а именно интересно, профессор Клайн не читал, он буквально раскладывал систему по полочкам. Я старалась не упустить ни слова и делала пометки в ноутбуке, который профессор лично выдал каждому на время пар. Экран был тускловатым, клавиши слегка потертыми, но в остальном ноутбук работал без нареканий.

Остальные пары пронеслись как в тумане: история академии, основы протокола. На паре с куратором меня официально представили всей группе. Он встал у доски, открыл журнал и коротко бросил:

— У нас пополнение. Айрис Эмброуз, первый курс. Прошу не создавать ей лишних сложностей и не вводить в заблуждение.

Кто-то кивнул, кто-то скользнул по мне взглядом и тут же отвернулся. Я стояла у первой парты, чувствуя, как форма будто стала тяжелее, и повторяла про себя имена, которые куратор называл, стараясь не терять ни одного: Лиам, София, Даниэль, Харпер…

Как позже выяснилось, Харпер девушка из комнаты 110, моя соседка. После пары она подошла ко мне, пока остальные собирали вещи, и тихо сказала:

— Слушай, если хочешь, вечером загляни ко мне. Расскажешь, как первый день прошёл.

Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то немного расслабляется:

— Да. Давай.

Когда пары наконец закончились, я побрела в столовую, ноги уже гудели от этого дня, от каждого шага по каменным плитам, от попыток идти ровно. Джулия ждала меня у входа, прислонившись к стене.

— Ну что, выжила? — спросила она, когда я подошла, и в её голосе было веселье, а во взгляде одобрение.

— Вроде да, — выдохнула я. — Хотя мне кажется, что я всё делала не так.

Джулия чуть фыркнула, но без насмешки:

— Поверь, если бы ты делала всё не так, ты бы узнала об этом.

Мы сидели на том же месте, что и утром, я сложила губы трубочкой и медленно потягивала горячий куриный суп.

— Знаешь, я сегодня столько имён запомнила, — сказала я, скорее чтобы просто заполнить тишину, чем потому, что хотела говорить. — Наверное, это глупо, но я боялась перепутать.

Джулия кивнула, одобряюще, будто это было самое нормальное, что можно было сказать:

— Не глупо. Невозможно запомнить всех сразу.

Мы доели в тишине, которая уже не казалась давящей. Где-то в другом конце зала прозвенел короткий звонок — не такой резкий, как утром, но достаточно чёткий, чтобы все начали собирать подносы. Джулия сказала, что ей ещё нужно кое с кем встретиться, и я пошла в женское крыло в одиночестве.

Две недели пролетели не как дни, а как одинаковые кадры, где меняется только цвет неба за окнами. Утро — линейка, шаги по гравию, холодный воздух, который уже не режет лёгкие, а просто привычно забирается под воротник. Пары — новые пометки на ноутбуке.

Я не выделялась. Машинально застёгивала пуговицы ровно, запомнила, где в столовой быстрее движется очередь, какой коридор тише, и имена всех одногруппников. Но чем привычнее становились правила, тем отчётливее я видела то, что пряталось за этой ровной поверхностью. Серьёзность ребят была не от скуки и не от строгости, она была от знания. От того, что все здесь действительно что-то знали. Что-то такое, из-за чего никому было не до улыбок.

Лиам, который всегда садился у окна, однажды резко дёрнул головой, когда куратор прошёл мимо, будто испугался. Харпер велела говорить шёпотом, когда мы болтали сидя на её кровати вечерами. У одного из парней, проходивших по коридору, я заметила кровавые слеты на запястьях, выглядывающие из рукавов пиджака. Он не обратил внимания на мой взгляд и молча ушел по коридору вдаль, в мужское крыло. В коридорах никто не разговаривал, лишь девчонки изредка перешёптывались, бросая пугливые взгляды. Я ни разу не видела парня в нашем крыле, или просто пару, стоящую в коридоре.

Я пыталась несколько раз расспрашивать Харпер и Джулию, но ответы, которые я получала от обеих не обнадеживали.

— Тут никто тебе об этом не расскажет, узнаешь сама, если попадешься. Но лучше никогда не знать, просто верь.

Я действительно терялась в догадках. Все их ответы, мои наблюдения, всё в этой академии подогревало мой интерес всё больше и больше с каждым днём. Но за эти две недели мне не удалось выяснить даже крупицу информации.

Этим вечером я снова набрасывала в блокнот свои заметки об этом месте. Ничего необычного я не писала, явно понимая, что мой дневник с лёгкостью сможет стать объектом достояния, если вдруг кто-то решит войти в мою открытую комнату и порыться в моих вещах. Я вдруг обратила внимание на красивую луну, освещавшую мой стол помимо лампы. Взяв ручку в рот и начав грызть наконечник, я пришла к мысли о том, что вечером я ещё никогда не выходила на улицу. Привыкала к ритму этого места, сидела с Харпер или Джулией, писала свои дневники, и никогда не задумывалась о том, чтобы перед отбоем подышать свежим воздухом.

Я быстро накинула свитер, натянула колготки и юбку, пальцы путались в застёжках, будто тело само не верило, что я решилась выйти. До комендантского часа оставалось целых двадцать пять минут, а здесь это целая вечность, особенно если знать, куда её потратить. Я не пошла к главному выходу, где камеры смотрели прямо в лицо, а скользнула через боковую дверь, к заднему двору. Воздух снаружи ударил холодом, но я даже обрадовалась этому. Он был настоящим, не пропитанным воском и пылью коридоров. Задний двор оказался пугающе пустым. Пока я шла, не заметила ни одной живой души, ни в здании, ни на улице. Даже привычные шаги дежурных где-то вдалеке стихли, будто академия уже затаила дыхание перед отбоем.

Место, к которому я хотела прийти, было там, где во время утренних линеек взгляд сам собой соскальзывал с куратора на эти массивные валуны. С них, наверное, удобно было смотреть поверх ограды на лес. Я добежала, прислонилась к одному из камней, чувствуя, как шершавый холодный бок впивается сквозь свитер, и наконец-то выдохнула. Но моё сердцебиение ещё не успело принять нормальный темп от бега, как меня поразила новая волна. Страх пробрел до костей, сердце рухнуло в пятки, а кожа за секунду покрылась мурашками. Рядом щёлкнула зажигалка. Пламя на секунду выхватило из темноты лицо парня, и я отшатнулась, едва не потеряв равновесие среди камней. Он затянул сигаретный дым, и в этом коротком свете я успела разглядеть крупный шрам, след от ожога. Он срезал внешнюю часть правой брови, уходя к виску и чуть задевая край века. Эта неровность странным образом не портила лицо, а делала взгляд серозелёных глаз ещё более цепким, хищным.

— Испугалась, кудряшка? — спокойно спросил он, оголив свои ровные белоснежные зубы в широкой улыбке.

Глава 4. Блейд.

Этот короткий момент её замешательства намертво отпечатался в моей голове. Она замерла, испуганный взгляд огромных карих глаз за стёклами очков — дикий, загнанный, выдавал её с головой. Она тут же поправила оправу быстрым, нервным жестом, словно это могло её защитить. Но ей было не спрятаться.

Я затянулся, лениво выпуская дым, но даже горький табак не смог заглушить то, что ударило по всем клеткам осязания секундой позже.

Ваниль, смешанная с лесным запахом хвои

Чёрт бы её побрал, этот запах шёл от неё волнами. Чистый, свежий, с убийственно сладкой, дурманящей нотой. На мгновение у меня перехватило дыхание, захотелось сделать шаг вперёд, обхватить её руками, прижать эту куклу к себе и вдыхать этот запах, пока все остальные мысли не покинут голову, оставив только это уютное тёплое чувство в груди. Но я остался стоять на месте, наблюдая, как девчонка пытается взять себя в руки.

Она вздёрнула подбородок, глупо надеясь показать, что она не боится. Этот жест заставил меня присмотреться к ней ещё внимательнее. Лунный свет, пробившийся сквозь тучи, поймал её густые кудрявые каштановые волосы, подсвечивая невероятные переливы, глубокие оттенки спелого ореха и дикого мёда. Роскошный, непослушный хаос, который так и хотелось пропустить сквозь пальцы. На её переносице и щеках бледнела россыпь веснушек, делая её вызывающе настоящей. Мой взгляд замер на её пухлых губках. Чуть опухшие, влажные от частого дыхания. Сладкие. Абсолютно уверен, что на вкус они были именно такими.

Она смотрела на меня, затаив дыхание, а я понимал, что её появление здесь — моя лучшая находка за всё время в этой чёртовой академии.

— Что молчишь, кудряшка?

— Что?… — её голос прозвучал почти твёрдо, но я заметил, как сжались её маленькие кулаки. — Просто не ожидала здесь кого-то увидеть.

— Кого-то? — я усмехнулся, сделав медленный шаг вперёд.

Она инстинктивно качнулась назад, чуть не врезавшись в огромные камни. Расстояние между нами сократилось до какого-то жалкого полуметра. Её ванильный шлейф окутал меня с головой, выбивая из легких остатки дыма. Она стояла чертовски близко. Настолько, что я видел, как бешено затрепетала жилка на её шее.

Я наклонился чуть ближе, заглядывая в её испуганные глаза, и тихо спросил:

— От кого ты так быстро сбегала, кудряшка?

Она сглотнула, и этот жест не укрылся от моего внимания. Красотка попыталась отвести взгляд, но в этом замкнутом пространстве между моим телом и стеной прятаться было негде.

— Ни от кого, — она снова вздернула подбородок, отчаянно пытаясь казаться выше, сильнее. Но этот дикий блеск в глазах за стеклами очков выдавал её с потрохами. — Я просто вышла подышать перед отбоем.

Она сделала попытку обойти меня справа, но я не двинулся с места, просто слегка перехватив её траекторию корпусом. Моя тень полностью накрыла её хрупкую фигуру.

— Воздух в этом месте ядовитый, кудряшка. Особенно по ночам. И особенно для таких приличных девочек, как ты, — мой голос опустился до едва различимого шепота.

Я медленно поднял руку. Она замерла, втянув голову в плечи, словно ожидала удара, но я лишь коснулся кончиками пальцев тонкой оправы её очков. Чуть сдвинул их вверх, возвращая на переносицу. Мои пальцы мазнули по её теплой, бархатистой коже. Нас обоих будто током прошибло, её зрачки расширились так, что почти затопили темную радужку, а у меня внутри всё скрутило от дикого, собственнического импульса. Хотелось вцепиться в эти густые каштa-

новые кудри с медовыми переливами, заставить её запрокинуть голову и выцеловать эти припухшие, сухие губы до крови. Но я лишь медленно опустил руку, не выпуская её глаз из своих.

В этот момент над нашими головами глухо и протяжно завыл колокол главной башни, отсчитывая удары до официального отбоя. Время вышло. Если ее поймают в коридоре, проблемы будут не из приятных.

— Беги в корпус, кудряшка, — я сделал шаг назад, растворяясь в густых тенях кованой арки, и бросил под ноги тлеющий окурок. — Пока я не решил, что мне скучно, и не придумал тебе серьезных проблем.

Дважды повторять не пришлось. Красотка рванула с места так, словно за ней гнались все черти преисподней. Она даже не оглянулась. Я слышал лишь торопливый, дробный стук её подошв по каменной плитке, который быстро затих в глубине коридора. Перепугал её до смерти. Отлично, именно этого я и добивался. Она должна понимать, в каком месте находится. Вышла подышать воздухом, ха-ха. Не то место для размышлений на воздухе в позднее время, кудряшка. Пусть лучше я внушу ей страх, чем это сделает кто-то другой, куда менее приятный. Но почему тогда внутри так отчетливо свербело странное, липкое разочарование?

Я не спеша достал из кармана пачку, выудил новую сигарету и щелкнул зажигалкой. Язык пламени на секунду выхватил из темноты силуэт пустой арки, где еще мгновение назад стояла она. Затянулся. Густой, горький дым привычно обжег легкие, но даже он не смог полностью выветрить этот её чертов запах, который, казалось, намертво въелся в мою куртку. В мою кожу. В мои мысли.

Я спокойно выдохнул серую струю в ночной воздух, глядя в ту сторону, куда она убежала.

Красивая. Черт возьми, какая же она красивая.

Этот хаос каштановых кудрей, который до сих пор стоял перед глазами, эти нелепые очки, за которыми прятался чертовски упрямый взгляд… Она ведь испугалась меня. Дрожала как осиновый лист, а все равно вздергивала свой крошечный подбородок, пытаясь показать характер. Я вспомнил, как мои пальцы коснулись её щеки, и палец на сигарете невольно дернулся. Меня до сих пор слегка подташнивало от того, с какой силой внутри вспыхнул этот собственнический, первобытный инстинкт. Запереть бы её где-нибудь здесь, в этих подвалах, чтобы никто больше не видел. Я сделал еще одну глубокую затяжку, чувствуя, как по губам скользит усмешка.

Нет, кудряшка. Ты можешь бежать в свою комнату, можешь прятаться за закрытыми дверями и мечтать, чтобы мы больше не пересеклись. Но из этой чертовой академии тебе уже не сбежать. А значит, и от меня тоже.

Глава 5. Айрис.

Я влетела в свою комнату сломя голову и с размаху захлопнула тяжелую дубовую дверь. Громкий щелчок замка эхом разнесся по полутемной комнате, и только тогда до меня дошло — я грубо нарушила устав.Но мне было плевать. Плевать на дежурных старост, плевать на возможные выговоры. Я подбежала к зеркалу, тяжело, прерывисто дыша. Сердце колотилось где-то в районе горла, а пальцы так сильно дрожали, что я едва не выронила очки, когда судорожно поправляла их. Внутри бушевал настоящий шторм. Это был дикий, гремучий коктейль из подступающего ужаса и какого-то странного, запретного, пугающе приятного тепла, которое до сих пор разливалось по венам после его прикосновения.

Кто это был? Раньше я никогда не видела его здесь. Такого человека просто невозможно не заметить.

Я уставилась на свое бледное отражение, но перед глазами всё еще стоял его образ. Густые, темные волосы глубокого шоколадного оттенка, волнистые, небрежно зачесанные назад. Пухлые, полные губы, которые кривились в издевательской усмешке, и эти неуместные, обманчиво мягкие ямочки на щеках, когда он улыбался своей опасной, но такой обворожительной улыбкой. Но больше всего меня поразил его взгляд. Серо-зеленые глаза, въедливые, смотрящие прямо в душу, обрамлял жуткий и одновременно завораживающий ожог. Розоватый, заживший шрам. Этот след делал его лицо пугающим, но отвести взгляд было выше моих сил.

Он был огромным. Крепкий, широкоплечий, устрашающий. Когда он прижал меня к стене, у меня возникло четкое ощущение, что я зажата между двух каменных валунов. А его запах… От него до сих пор кружилась голова. Он пах безумием: острой свежестью после сильнейшей ночной грозы, ледяной океанической прохладой и какими-то дикими, горькими травами, смешанными с терпким табаком.

— Господи, чему ты радуешься, Айрис? — хрипло прошептала я своему отражению, вцепившись пальцами в край раковины.

Какая же я дура. Мои щеки горят. Он ведь не заигрывал со мной, он не пытался понравиться. Этот парень совершенно открыто меня запугивал, явно показывая, кто здесь хозяин. Да и на что я вообще надеялась? У парня с такой внешностью, такой уверенностью, просто не могло не быть девушки. Наверняка какая-нибудь первая красавица академии, безупречная, статная, без этих дурацких веснушек и нелепых очков, уже давно греет его постель и считает своим. А я для него лишь минутное развлечение, забавная зверушка, которой можно поуправлять от скуки.

Я зажмурилась, пытаясь выветрить из мыслей остатки его парфюма. Нужно держаться от него как можно дальше. «Да разве ты сможешь?».

Мысли о нём не оставляли меня до самого утра. Я так и уснула в одежде, прямо поверх покрывала, измученная бесплодными размышлениями. Несколько раз за ночь я вскакивала, подходила к окну и подолгу всматривалась в черную, глухую стену леса, словно надеялась разглядеть там его силуэт в густых тенях, это было похоже на помешательство. Утренний звонок будильника показался мне казнью. Кое-как разлепив глаза, я подошла к зеркалу и испуганно шарахнулась от собственного отражения. Вид был, мягко говоря, помятый. Я мысленно выругала себя несколько раз: можно же было хотя бы переодеться в пижаму! Но вчерашний шок просто парализовал мою волю. Меня словно намертво приклеило мыслями к этому парню. Неужели я теперь превращусь в одну из тех глупых девчонок, которые ходят по коридорам и пускают слюни по главному красавчику?

«Дело не в нём, — упрямо убеждала я себя, натягивая плотные капроновые колготки. — Абсолютно не в нём».

Просто раньше никто из мужского пола не оказывал мне столько… такого внимания. Я никогда не оказывалась в такой давящей, интимной и пугающей обстановке один на один с парнем. Вот мозг и заклинило от избытка адреналина. Да, именно так.

Ровно через десять минут в дверь настойчиво постучали. Это была Харпер, которая по привычке заходила за мной, чтобы вместе отправиться на утреннюю линейку.

— Эй, Айрис, почему твоя дверь закрыта?! — с порога возмутилась она, едва я распахнула дверь перед ней.

— Что? А… Я, кажется, случайно вчера захлопнула её и даже не заметила, — соврала я, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Это очень плохо, — Харпер нахмурилась и понизила голос. — Молись, чтобы тебя пронесло, если дежурные старосты занесли это в ночной обходной лист.

— Я знаю, что это против правил, — вздохнула я, поправляя сумку на плече. — Но это правда в первый и последний раз.

— Поверь, Айрис, здесь твои оправдания никого не волнуют. Пошли быстрее, мы уже опаздываем.

Мы торопливо вышли на улицу. На утренней линейке во внутреннем дворе было не продохнуть от сырости. Холодный, пронизывающий воздух забирался под форменные пиджаки, заставляя студентов уныло переминаться с ноги на ногу. Куратор с каменным лицом отметил всех присутствующих по списку, зачитал объявления, и толпа наконец хлынула в теплую столовую.

Первая лекция только началась. Преподаватель только успел открыть журнал, и не прошло и трех минут от начала занятия, как тишину аудитории бесцеремонно разрезал хриплый, металлический скрежет динамика под потолком. По громкоговорителю раздался строгий, леденящий душу голос Эвелин.

«Внимание всем! Айрис Эмброуз, немедленно зайдите ко мне в кабинет! Повторяю: Айрис Эмброуз, срочно явиться в кабинет директора!»

Динамик щелкнул и затих, оставив после себя оглушительную тишину. Вся аудитория как по команде повернулась в мою сторону. Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в пятки, про дверь всё-таки узнали. На что я надеялась…

Я вышла из аудитории под десятки сочувствующих взглядов. Провожали меня так, словно я шла на расстрел. Особенно несчастной выглядела Харпер, она лишь виновато поджала губы, мысленно, должно быть, уже прощаясь со мной. Сердце отчаянно, болезненно билось в груди, совершая кульбиты. Из-за своей вчерашней глупости, из-за минутной слабости я прямо сейчас столкнусь с ужасным наказанием, и винить в этом было абсолютно некого. Я ведь знала правила, меня предупреждали с самого первого дня. В голове до сих пор не укладывалось, как я могла так глупо подставить сама себя, попавшись на такой нелепой мелочи.

Мои шаги гулко, почти зловеще раздавались по коридору. Я вышла в главный холл, стараясь идти как можно тише, и свернула в крыло администрации. Чем дальше я шла, тем сильнее меня накрывал леденящий страх. Пространство вокруг словно сужалось: высокие сводчатые потолки давили сверху, портреты бывших выпускников и попечителей на стенах провожали меня холодными нарисованными глазами, а начищенные до блеска каменные плиты под ногами казались скользким, как лед. Воздух здесь был другим — тяжелым, пахнущим старой бумагой, дорогим деревом и очередными слоями пыли. Каждый шаг приближал меня к массивной, тёмной двери с золоченой табличкой Директор. Перед самой дверью я замерла на секунду, пытаясь унять дрожь в коленях, зажмурилась и негромко постучала.

— Войдите, — раздался из-за двери резкий, грозный голос.

Я толкнула тяжелую створку и перешагнула порог. Эвелин сидела за своим монументальным столом из черного ореха. Солнечный свет из узкого окна позади нее превращал ее силуэт в темную, устрашающую фигуру. Она медленно подняла голову, и ее взгляд — ледяной, ска-

нирующий, не выражающий ни единой человеческой эмоции, пригвоздил меня к месту. Вся ее поза выражала абсолютную, непреклонную строгость.

— Проходи, садись, Айрис, — чеканя каждое слово, произнесла она и указала рукой на жесткий стул напротив. Я послушно опустилась на самый край. — Почему твоя дверь вчера была заперта?

— Я… Простите, — мой голос предательски дрогнул, и я сжала кулаки, чтобы спрятать трясущиеся пальцы. — Я не заметила, как она случайно захлопнулась со сквозняком.

— Ты знаешь правила, Айрис, — Эвелин слегка наклонилась вперед, и в ее глазах блеснуло что-то опасное. — И так как это только твое первое отступление от устава, наказание будет снисходительным. Сегодня ты освобождена от лекций. Твоя задача до блеска вымыть комнаты всех твоих одногруппников. Чистоту работы я проверю лично вечером. Тряпки и моющие средства тебе выдаст миссис Фрост, найдешь ее в триста двенадцатом кабинете, в хозблоке. Можешь идти.

У меня глаза полезли на лоб, а в горле пересохло. Это и есть снисхождение?! В нашей группе без меня девятнадцать человек. Девятнадцать комнат, которые мне придется отмывать в одиночку, ползая на коленях до самой ночи. Страшно было даже представить, какое наказание в этой академии считается суровым, если для Эвелин подобный ад всего лишь мягкая поблажка за мелочь.

Я не посмела перечить. Глядя в эти ледяные глаза и на ее каменную, величественную позу, я лишь покорно, едва заметно кивнула и поднялась со стула, мечтая поскорее исчезнуть.

— Айрис? — остановил меня ее голос у самого выхода.

Я обернулась, затаив дыхание. Директриса даже не смотрела на меня, перебирая какие-то бумаги.

— Впредь думай о том, что делаешь. Поблажек больше не будет.

Я вновь кивнула, на неслушающихся ногах вышла из кабинета и, как только тяжелая дверь за мной закрылась, обессиленно прислонилась спиной к прохладной стене. Сердце готово было выпрыгнуть из ребер. Я жадно, судорожно хватала ртом воздух, никак не начиная дышать нормально. Мне было так дико, до тошноты страшно. Только сейчас, на собственной шкуре, я начала осознавать, какие методы и наказания используют в этих стенах. И ведь самое жуткое, по словам Эвелин, это была всего лишь милость. В этот момент мне до слез, до щемящей боли в груди захотелось оказаться дома. Прижаться к матери, почувствовать себя в безопасности. Оказаться снова с ней в одном четырехстенном пространстве, беспрекословно подчиняться любым ее самым абсурдным правилам, неделями не выходить из своей комнаты и даже не смотреть в сторону Алекса, только бы снова не вызвать в ней те дикие, безумные вспышки собственничества и ревности. Что угодно, пускай самый жесткий домашний арест, только бы не оставаться здесь. Сейчас я окончательно, до самого дна поняла то, о чем меня так настойчиво предупреждали девочки.

«Тебе лучше не знать, что здесь происходит.», — вдруг отчетливо всплыли в памяти слова Джулии.

Я заставила себя сделать еще несколько глубоких вдохов, поправила сползающие очки и, попытавшись взять себя в руки, медленно направилась в сторону хозблока. Впереди меня ждал очень долгий и тяжелый день.

Дорога до хозблока показалась мне путем в другое измерение. Административное крыло осталось позади, и чем дальше я спускалась, тем сильнее менялся антураж. Лестница вела вниз, в цокольный этаж, куда почти не проникал дневной свет. Стены здесь были выложены грубым, сероватым камнем, от которого веяло подвальной сыростью и холодом, а тусклые лампы в металлических сетках под потолком едва разгоняли полумрак. Мои шаги по бетонному полу отзывались глухим, сиротливым эхом. Нужный кабинет отыскался в самом конце извилистого коридора. На тяжелой железной двери не было золоченых табличек, лишь краской выведенный

номер. Я робко постучала. Не дождавшись ответа, я осторожно толкнула дверь, и она открылась с тяжелым, натужным скрипом.

Кабинет миссис Фрост больше напоминал алхимическую лабораторию, смешанную со складом. Высокие стеллажи до самого потолка были заставлены ровными рядами одинаковых темных бутылей, канистр с едкими чистящими средствами и стопками белоснежных полотенец. Воздух здесь был густым, стерильным, насквозь пропитанным резким, бьющим в нос запахом хлора, лимонной кислоты и старой древесины.

Сама хозяйка этого места сидела за небольшим металлическим столом под единственной низко висящей лампой. Миссис Фрост выглядела под стать своей фамилии: высокая, сухая женщина неопределенного возраста с абсолютно прямой, словно натянутая струна, спиной. Её седые, пепельные волосы были собраны в тугой, волосок к волоску, пучок на затылке, а серое закрытое платье казалось частью интерьера. У неё были поразительно бледные, почти прозрачные глаза и тонкие, бескровные губы.

— Мне… Нужны вещи для уборки. Распоряжение директора, — тихо произнесла я, уверенная, что сейчас начнется новый допрос.

Но миссис Фрост даже не шелохнулась. Она не стала задавать вопросов, не окинула меня презрительным взглядом и не попыталась узнать, за какой проступок меня сюда сослали. На её лице не дрогнул ни один мускул, словно к ней каждый день приходили провинившиеся студенты, и для неё они были лишь безликим потоком. Женщина молча поднялась, подошла к одному из стеллажей и выставила передо мной массивное пластиковое ведро, несколько жестких щеток, плотные резиновые перчатки и пару флаконов с ядовито-синей жидкостью.

— Возврат до десяти вечера, — её голос прозвучал на удивление тихо, но в нём слышался скрежет ломающегося льда. Это было единственное что она сказала.

От миссис Фрост у меня осталось жутковатое впечатление. В ней не было злости директрисы, но эта абсолютная, мертвая холодность и равнодушие пугали ничуть не меньше. Подхватив тяжелое ведро, я отправилась в жилой корпус. Начать я решила с женского крыла. Всего девять комнат моих одногруппниц. Девять чужих комнат, в которые мне предстояло заглянуть. Мне было не приятно от мысли, что я вынуждена вторгнуться в чужое пространство.

Первой в списке была комната Харпер. Внутри царил привычный для неё уютный беспорядок: разбросанные по креслу пушистые кардиганы, горы конспектов на столе и въевшийся в шторы аромат персикового парфюма. Убираться здесь было легче всего — я знала каждую вещь. Набрав в ведро горячей воды и натянув перчатки, я принялась за работу. Смыть пыль с подоконников, до блеска натереть зеркала, вымыть пол под кроватью.

Дальше начался монотонный кошмар. Следующие комнаты слились для меня в бесконечную, изнуряющую череду чужих пространств. Комната старосты Хлои встретила меня идеальным, почти пугающим порядком, где мне всё-равно пришлось буквально вылизывать каждый сантиметр, чтобы Эвелин вечером не нашла ни единой соринки, я не знала насколько она придирчива, но проверять это у меня не было ни малейшего желания. У близняшек Миллер в комнате повсюду валялась косметика и журналы, а воздух был таким душным от смеси сладких духов, что у меня быстро закружилась голова. В комнате замкнутой Марии пахло сухими травами и старыми книгами, а шторы были наглухо задернуты, мне пришлось впустить в комнату дневной свет, чтобы не оттирать углы при тусклом свете настольной лампы.

Часы сменяли друг друга, а работа не заканчивалась. Семь комнат, восемь, девять. К концу женского крыла я едва держалась на ногах. Резиновые перчатки не спасли, агрессивное чистящее средство каким-то образом просочилось внутрь. Кожа на ладонях горела так, словно её опалило огнем, пальцы покрылись мелкими красными пятнами и жутко чесались. От постоянного отжимания тяжелых, жестких тряпок мышцы рук сводило судорогой, а на указательных пальцах лопнули болезненные водянистые мозоли. Каждый раз, когда я опускала руки в мыльную воду, по телу разливалась острая, пронизывающая боль, заставляя меня прикусывать

губу, чтобы не разрыдаться от бессилия и отчаяния. Мои очки постоянно сползали на влажный от пота нос, спина ныла, а перед глазами плыли серые круги.

Когда за мной закрылась дверь последней, девятой комнаты, я без сил опустилась прямо около грязного ведра посреди коридора. Половина дела была сделана. Женское крыло блестело чистотой, но впереди меня ждало мужское крыло, еще десять комнат. Не раскисая и понимая, что это только половина пути, я собрала все свои тающие силы в кулак, подхватила ведро и двинулась в мужское крыло. Время играло против меня. Пары у ребят подошли к концу как раз к тому моменту, когда я закончила отмывать комнату первого одногруппника. По коридорам разнесся гул голосов, парни возвращались в свои комнаты.

Комната Эдвина была второй в моем списке, и его возвращение застало меня в самый разгар уборки. Мне пришлось неловко попросить его ненадолго выйти в коридор и подождать. Эдвин лишь уныло посмотрел на меня, в его глазах читалась неприкрытая, давящая жалость, но он оказался достаточно тактичным, чтобы не задавать лишних вопросов. Без лишних слов он выполнил мою просьбу и вышел за дверь. Я уже домывала его рабочий стол, с остервенением оттирая пятно от чернил, которое никак не поддавалось, как вдруг знакомый низкий голос буквально полоснул по ушам:

— За что? — спокойно, без тени насмешки спросил он.

Я замерла на месте, судорожно сжав в руке мокрую тряпку. Сердце сделало бешеный кувырок и застряло где-то в пятках. Медленно обернувшись к дверному проему, я встретилась взглядом с тем самым парнем, который заполнил собой все мои мысли этой ночью. Он стоял, небрежно опершись о косяк, и изучающе разглядывал меня.

— Это наказание, — тихо ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже. Я с трудом сглотнула вязкую слюну и добавила: — Пожалуйста, иди куда шел. У меня не так много времени осталось, а работы еще много.

Он посмотрел на меня еще несколько секунд, и этот взгляд, казалось, прожигал насквозь. Заметив, что из-под разорванной резиновой перчатки на запястье сочится тонкая кровяная полоска от лопнувшей мозоли, я поспешно спрятала руку за спину, размазав кровь по коже. Только бы он не заметил, как глупо, жалко и неопрятно я выгляжу сейчас. Подсознательно, или, скорее, очень даже осознанно, я физически не могла позволить себе ударить в грязь лицом перед ним. Какая-то отчаянная, болезненная гордость бунтовала во мне: я хотела, чтобы он видел во мне изящную, горделивую лань, а не эту жалкую, вымотанную ученицу, превратившуюся в прислугу, которая к тому же драит мужские комнаты. Он медленно выпрямился, окинул меня последним долгим взглядом, развернулся и молча ушел.

Внутри меня сразу же воцарилась глухая, звенящая пустота. На секунду мне стало невыносимо горько. Я поймала себя на мысли, что отчаянно, до дрожи мечтала бы сейчас поговорить с ним, хоть о чем-то, хотя бы пару минут просто послушать его голос. Но в то же время к обиде примешалось облегчение. Я по-прежнему сильнее всего на свете не хотела, чтобы он запомнил меня в таком свете. То, что мне далеко не все равно, я поняла уже давно и больше не собиралась искать этому нелепые оправдания. Он просто понравился мне, зачем обманывать саму себя? Но и показать ему эту внезапную уязвимость моя гордость никогда бы не позволила. Глупо, я ведь до сих пор даже не знала его имени. Я слишком надолго ушла в свои мысли, тупо уставившись на пустой дверной проем. Его уже давно и след простыл. Тряхнув головой, я заставила себя вернуться в реальность, нужно было скорее домывать комнату, чтобы впустить уставшего Эдвина и двигаться дальше.

Домыв вторую комнату, я уже сверялась со списком в поисках третьей, принадлежащей моему одногруппнику Лиаму, но прямо посреди коридора меня заставил замереть мерзкий, резкий голос директрисы:

— Эмброуз!

Я тут же обернулась, испуганно уставившись на Эвелин. Сердце, в который раз при контакте с ней, испуганной птицей забилось в ребрах. Неужели я что-то сделала не так в женском крыле? Только бы она не заставила меня идти и всё перемывать, ведь я и без того уже буквально валюсь с ног от усталости. Она буквально испепеляла меня взглядом. Если раньше она смотрела на меня с привычной мертвой холодностью, то сейчас в её глазах появились новые, едкие ноты глубокого, личного отвращения.

— Ты закончила, — процедила она, чеканя каждое слово. — Можешь идти на обед.

После этого она развернулась и гордо удалилась, разрезая тишину стучанием каблуков. Я осталась стоять посреди пустого коридора в полном одиночестве. С грязным ведром воды в одной руке, со шваброй в другой и с растрепанными, влажными от пота волосами, я тупо смотрела ей вслед. Бесконечная, облегчающая радость от этой новости мгновенно затопила сознание, но её тут же перекричала глухая, липкая тревога. Почему она меня отпустила? И что это был за взгляд? Эвелин смотрела на меня так, словно я только что стала её личным, злейшим врагом.

Кое-как дотащив вещи до подсобки, я вернула их миссис Фрост. Женщина с явным удивлением взглянула на меня поверх своих очков, ведь до назначенного срока оставалось еще много времени, но ничего не спросила.

Вернувшись в свою комнату, я первым делом заперлась в ванной, чтобы принять горячий душ и смыть с себя этот бесконечный день. Стоя под обжигающими струями воды, я думала вовсе не об облегчении. Мой мозг лихорадочно просчитывал новые, куда более опасные проблемы, которые могли скрываться за внезапной милостью директрисы. Такие люди, как Эвелин, не прощают нарушений просто так, в этом я сегодня уже убедилась. Выйдя из душа и вытирая волосы, я вздрогнула — на моей кровати сидела Харпер. Она нервно кусала ногти и явно ждала меня. Заметив мое появление, подруга испуганным, оценивающим взглядом оглядела мои руки, единственное, что было видно из-под наспех завязанного полотенца.

— Айрис, ты как? — воскликнула она, вскакивая. — Я услышала, что ты вернулась. Пожалуйста, расскажи подробно, что с тобой сделали?!

— Харп, в смысле что сделали? — устало вздохнула я, заметив, как пристально она разглядывает мою кожу. — Эвелин велела вымыть все комнаты нашей группы. У меня все ладони в пузырях и крови от этих жутких чистящих средств.

— Господи, Айрис, пожалуйста, больше никогда так не делай, следи за каждым своим шагом! — Харпер схватилась за голову. — Тебе невероятно, просто сказочно повезло, что всё обошлось такой мелочью. Я вообще никогда не слышала, чтобы здесь за закрытую дверь отделывались подобным наказанием.

— Что? — я замерла, уставившись на неё. — Харп, может, ты наконец поделишься со мной и нормально объяснишь, что имеешь в виду? По-твоему, отмывать девятнадцать комнат. это мелочь?

— Я не могу, Айрис, пойми. Не могу сказать больше. — Харпер отвела взгляд, и в её голосе послышался неподдельный страх. — Просто верь мне. Твое наказание это сущий пустяк по сравнению с тем, что здесь бывает.

Я поняла, что давить на неё бесполезно. Молча подошла к шкафу, достала мягкий белый свитер, серую юбку и чистые колготки. Натягивая одежду на ноющее тело, я старалась заглушить панику внутри.

— Я иду в столовую, — тихо произнесла я, поправляя очки. — Хочешь со мной?

— Идем, — быстро отозвалась Харпер.

И мы отправились на обед, оставив комнаты позади.

Глава 6. Блейд.

После короткого разговора с кудряшкой я развернулся и стремительным шагом направился в административное крыло, внутри всё буквально закипало от ярости. Голова раскалывалась, мысли бунтовали, а кулаки чесались от дикого желания разнести этот чертов корпус по кирпичикам. Мне хотелось вдолбить директрисе раз и навсегда, прямо в её тупую голову, одну простую истину: эта девочка неприкасаема. Никто в этой академии не имеет права портить мою находку. Никто, кроме меня.

Я залетел в кабинет директора без стука, с размаху распахнув массивную дверь. Эвелин стояла ко мне спиной у огромного стола, прижав к уху телефон. Громкий, пушечный хлопок закрывшейся двери заставил её резко вздрогнуть и развернуться к источнику звука. Увидев мой взбешенный, потемневший взгляд, она моментально изменилась в лице и сухо бросила в трубку собеседнику: Я перезвоню.

— Блейд! — её голос сочился раздражением, а идеальная осанка натянулась, как струна. — Сколько раз я просила тебя не врываться ко мне без стука?! Что за манеры?

— Почему девчонка с первого курса драит мужские комнаты? — я проигнорировал её возмущение, сделав тяжелый шаг вперед. Мой голос звучал глухо, но угрожающе.

— Тебе-то какое дело? — Эвелин высокомерно вскинула подбородок, пытаясь вернуть контроль над ситуацией. — Ты прекрасно знаешь устав этой академии. Она нарушила правило, это заслуженное наказание.

— У неё руки в крови, Эва, — процедил я сквозь зубы, сокращая расстояние между нами. — Она уже зеленая от твоих ядовитых моющих средств и едва держится на ногах. Ты всерьез думаешь, что после таких дешевых выпадов тебя здесь кто-то будет уважать?

— Ты много себе позволяешь, Блейд! — директриса повысила голос, а её ледяные глаза яростно сузились. — Забыл, с кем разговариваешь? Ты здесь такой же студент, как и все остальные.

— А ты слишком много требуешь от неё, — отрезал я, в упор глядя на женщину. В моем взгляде не было ни капли страха, лишь холодная, опасная решимость, перед которой она всегда пасовала.

Эвелин замолчала. Несколько секунд она тяжело дышала, обводя меня презрительным, сканирующим взглядом, словно пыталась нащупать мою слабину, но в итоге её плечи едва заметно опустились. Она сдалась, как и всегда, когда дело доходило до столкновения со мной.

— Ладно, — высокомерно бросила она, поправляя идеальный манжет пиджака. — Передай ей, что на сегодня достаточно. Пусть убирается в свой корпус.

Я усмехнулся, засунув руки в карманы куртки.

— Нет.

— Что значит нет? — на лице Эвелин отразилось искреннее недоумение.

— То и значит. Я не собираюсь быть твоим курьером, — я сделал шаг назад к выходу, продолжая держать её на прицеле своих глаз. — Ты сама назначила ей это глупое наказание, Эва, тебе его и отменять. Иди и скажи ей об этом лично.

Я развернулся и вышел из кабинета, оставив директрису наедине с её закипающей злостью. Я знаю, что реально наглею. С каждым разом всё сильнее перехожу черту, но с этой женщиной по-другому просто нельзя. Я ума не приложу, почему она до сих пор глотает моё скотское отношение и спускает мне всё с рук. От любого другого студента Эвелин не потерпела бы и сотой доли такого тона, сожрала бы живьем и не поморщилась. Но мне она это позволяет.

Наверное, папка снова за всё отплатил. Всё как обычно, по старому отработанному сценарию. Он решает любые вопросы, просто откупаясь от администрации щедрыми чеками. Делает

всё, лишь бы его лишний раз не трогали и не донимали проблемами, и уж тем более по поводу меня.

Я вышел на задний двор, подальше от душных коридоров, и закурил. Спрятавшись от чужих глаз, выкурил две сигареты подряд, жадно затягиваясь горьким дымом. Сидя на холодных, грубых валунах, я угрюмо смотрел на эту проклятую академию, чьи шпили серой массой врезались в осеннее небо. Пока курил, успел созвониться с Картером. Друг вовсю зазывал меня на вечеринку, которая планировалась на следующей неделе в загородном доме у нашего общего знакомого. В любой другой ситуации я бы мгновенно ответил да. Я бы ухватился за любой шанс, лишь бы оттянуться в шумной компании и свалить подальше от этих давящих, серых стен. Но сегодня всё было иначе.

— Я подумаю. Отвечу позже, — сухо бросил я в трубку и сбросил вызов.

Я не мог оставить свою кудряшку здесь одну. Эта девчонка ходила по лезвию ножа, она обязательно снова что-нибудь натворит, вляпается в неприятности по своей наивности, а Эва в моё отсутствие терпеть этого точно не станет. Без моего контроля её здесь просто уничтожат. В голове созрела безумная мысль. Вот бы вытащить её со мной на эту вечеринку… Вырвать из этой правильной скорлупы и показать ей другую жизнь. Что ж, я обязательно придумаю, как это сделать.

Докурив, я решил прогуляться до столовой, чтобы перехватить какой-нибудь сэндвич. Голова буквально кипела, выстраивая по кирпичикам контуры моего нового плана. Мне-то позволялось покидать это проклятое место в любое время суток, папка подписал для меня официальное письменное разрешение, развязав мне руки. А вот что насчет кудряшки? Этот вопрос требовал немедленного уточнения. Она выглядела настолько невинной, испуганной и загнанной в угол местными порядками, что у меня складывалось четкое ощущение, что никакого пропуска у неё нет и в помине. Впрочем, кто знает. Даже если его нет, я всё равно вытащу её отсюда. Правда, для этого придется разработать чертовски изощренную схему, а ведь раньше я подобного никогда не проделывал. Всё бы ничего, да только камеры здесь работают неустанно, проверяются каждую минуту, а натыканы они буквально на каждом углу. Нужно будет сделать всё ювелирно, чтобы не подставить её под удар.

Под глухой гул собственных мыслей я вошел в столовую. Окинул взглядом шумный зал: на другом конце, за длинным деревянным столом, обосновались ребята из моей группы. Назвать кого-то из них друзьями у меня бы язык не повернулся, но их общество иногда помогало скрасить бесконечно тянущееся время в этом месте. Давид махнул рукой, подзывая меня к себе, но я проигнорировал этот жест и скользнул взглядом дальше. Нашел. Моя кудряшка сидела в компании какой-то девчонки, они тихо перешептывались. Её подружка нервно озиралась по сторонам и в какой-то момент остановила свой взгляд на мне. Взгляд был пилящим, свербящим насквозь. Или, может, это было что-то другое? Не знаю. Разбираться с этим не было ни времени, ни малейшего желания.

Я двинулся дальше, к стенду с сэндвичами, не отводя глаз от изящной, хрупкой спины моей новой знакомой. Однако мне пришлось вынужденно оторваться от этого созерцания, кто-то слегка, но настойчиво потянул меня за локоть. Обернувшись, я наткнулся на Миранду. От бывшей спасу не было, постоянно терлась где-то поблизости. И самое тупое, что в этой академии мы были заперты вместе, я остался без возможности продохнуть без неё.

— Блейд? — её голос прозвучал с наигранной мягкостью.

— Чего тебе? — отрезал я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Может, пообедаем вместе? Тебя совсем не видно в последнее время.

— Занят, Миранда. А пообедаешь ты в своей компании.

Развернувшись к ней спиной, я вновь зацепился взглядом за ровную, хрупкую линию плеч кудряшки и направился к столу парней, пришлось сесть с ними. Если бы я остался один,

Миранда не заставила бы себя долго ждать. Сзади донеслось её расстроенное, тихое бормотание: Давай тогда после обеда…, но я не обернулся, окончательно ретируясь.

Едва я опустился на стул, Купер, заметивший мою мимолетную стычку с Мирандой, решил влезть не в свое дело и принялся допрашивать меня с ухмылкой. Я заткнул его одним лишь тяжелым взглядом. Все в этой академии прекрасно знали моё отношение к ней, как и её зацикленность на мне. Этому придурку лучше было закрыть свой рот прямо сейчас, пока я сам его не заткнул. Он постоянно выбешивал меня. Мазохист он, что ли? Скоро я точно сорвусь, и он получит всё, на что так упорно нарывается.

Давид примирительно стукнул Купера по плечу, дружелюбно улыбаясь, и окинул нас обоих спокойным взглядом, безмолвно призывая успокоиться.

Вдруг кудряшка поднялась со своего места. Она несла свой поднос руками, которые были стерты до дыр. Я отчетливо видел их даже из другого конца зала, и в этот момент в моем сердце будто выжгло рваную дыру. Руки этой девушки не должны знать, что такое мозоли или шероховатости. Они созданы для того, чтобы быть нежными, элегантными и гладкими. Я до скрежета зубов проклял эту блядскую академию и собственную неспособность защитить её прямо здесь и сейчас. Я не следовал местным правилам, и от меня этого никто не требовал, но на нее эта неприкосновенность не распространялась. И точно никогда не будет распространяться, пока я не вмешаюсь.

— Ты сейчас дыру в девчонке просверлишь, — негромко заметил Давид.

Я перевел взгляд на свои руки, оказывается, я замер, намертво сжав в кулаке несчастный кусок хлеба, и невидящим взором уставился в одну точку. Ничего не ответив Давиду, я молча швырнул остатки еды на поднос, поднялся и покинул столовую, бесшумной тенью следуя за ускользающей кудряшкой.

Я чувствую себя идиотом. Маленьким ребенком, который посреди ночи выслеживает Санта-Клауса, боясь издать лишний звук. Я шел позади неё, удерживая дистанцию и стараясь как можно более незаметно проводить её до самой двери. Долбаный абсурд, не иначе. Но я до сих пор даже не знаю где находится её комната.

Мне нужно было поговорить с ней. Срочно. Нужно было лично спросить, за какую именно провинность Эва выписала ей это изнурительное наказание, почему она вообще оказалась в этих стенах и что сейчас творится в её кудрявой голове. Должно быть, она испытывает адский стресс.

Блядь, Блейд. Почему тебя это вообще волнует? Что за сопли ты тут распускаешь? С каких пор ты стал такой неженкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.